

Те, кто хоть немного интересуется творчеством челнинских художников, имя Владимира Мышова знают хорошо. Еще десять лет назад, когда покупали картины было как-то не принято, работы Мышова украшали довольно скромные квартиры людей, считавших его самым лучшим в городе пейзажистом.

Он никогда не уклонялся ни в какие «измы» (если попытка и была, то она не вышла за стены мастерской) в живописи, но не в поступках и мыслях, ибо действительность порой приобретала черты сюрреализма. К примеру, его первая персональная выставка, совпавшая с 50-летием художника, прошла не в России, а в Голландии. Поэтому и разговор с Владимиром Андреевичем получился скорее не о живописи, а о жизни. Если только можно эти понятия разделить.

- Организовать персональную выставку и в российской-то провинции сложно...

- ... как же я попал в Голландию? Я тоже много думал, почему выбрали именно меня. Что увидела в моих картинах хозяйка галереи и собирательница фольклора Мэри Кустал, взявшая на себя риск по организации выставки? Наверно, нечто щемящее, что есть в России, о чем Тютчев писал: «Умом Россию не понять...» Я с этим ощущением живу и пытаюсь его передать. Это тепло, которое меня кормит, греет, придает мне смысл жизни. Мэри это тоже почувствовала, потому ее выбор и пал на меня.

Словами это трудно передать. Например, Мэри спрашивает: «Почему вы назвали этюд «Осенняя паутина»? Я ей отвечаю: «Когда идешь по нашей осени, вдруг паутинку порвешь, и она - ди-инь!» Разве можно объяснить, почему меня до слез трогают наши дали, которых много написано Левитаном, Саврасовым, Поленовым? Однажды, помню, пошел я из деревни за семь с половиной километров в район за папиросами...

- Европейцу уже эта ситуация непонятна!

Тетушка спросит, как ты сходил, не побил ли ноги о эту дорогу, которую сейчас увидел словно впервые! Как же не быть всему этому благодарным? Пусть я не могу об этом рассказать, беден мой словарный запас, но могу изобразить. Оно в моих картинах, на которых написаны весны, осени, зимы, где солома пахнет соломой наших полей, а навоз - навозом.

- Владимир Андреевич, не воспринимают ли иностранцы то, что нам дорого, просто как экзотику? Какого качества их интерес к творчеству наших художников?

- И к России, да? Снисхождительности я не увидел и, думаю, никогда не увижу. Я уже упоминал о том, что Мэри Кустал занимается не только собиранием живописи, но и изучает национальную культуру, которую мы сейчас якобы возрождаем. Помню, в Чебоксарах художники включили запись ансамбля народной музыки, а она говорит: «Это неправильно. Здесь не чувашская музыка!» То есть то, до чего нам самим бывает лень докопаться, она изучает серьезно и глубоко.

Мэри исколесила всю Россию и говорит, что в последние годы стало горько проезжать по деревням, ви-

страх за завтрашний день. Мы ведь не умеем жить настоящим, потому что вчерашний уже прошел, а о завтрашнем ничего не знаем. Кто-то нам не открыл эту истину, и мы

постоянно торопили: «Володя, пойдем дальше!» А мне все хотелось потрогать, понюхать, попробовать на зуб. Ведь у голландцев каждый дом - музей. В нем каждая вещь - про-

«ОКНО» В ГОЛЛАНДИЮ

прорубил пейзажист Владимир Мышов, который первым из челнинских художников представил свои работы на персональной выставке, проходившей в этой стране.

боимся.

Познакомился я с голландским фотографом. Эвот Стартлес прошел пешком от Амстердама до Средней Азии и понял, что не хочет вывозить из России никакой «негатив». Жена зовет его «хохол», потому что Эвот влюблен в Украину. В его квартире, за которую семья платит тысячу долларов в месяц, в стену вбит исконно русский ржавый гвоздь, а на нем висят бухгалтерские счета. Эвот любовно называет их «русский компьютер».

Голландцы относятся к искусству, быту, истории россиян с живейшим интересом. Они всматривались в мои картины, пытались проникнуть в суть понятия «русский пейзаж». А казалось бы, это так просто: огромное серебристое небо, на переднем плане лодочки, дальше вода и вда-

уголок интерьера.

- Владимир Андреевич, а как проходила ваша выставка?

- Небольшая частная картинная

галерея Мэри Кустал расположена на первом этаже ее четырехэтажного дома постройки конца прошлого века. Сама Мэри с сыном Каспером живет в другом доме. Здесь же, в мансарде, гостили и мы. В этом прекрасном доме я спал спокойно только одну-единственную

ночь. Но получилось все успешно.

Публика, пришедшая на открытие, чем-то напоминала мне саму Мэри. И я склонен думать, что эти улыбчивые люди так же, как мы, тонко чувствуют и хорошо воспринимают. Вначале Мэри включила отснятый ею видеofilm о России. На экране возникли полувымершие наши деревни, полные светлой скорби глаза бабушек - хранительниц покосившихся изб. Зазвучала музыка, которую помнят сейчас, наверно, только в таких вот деревнях. Когда зажегся свет и все увидели, что их окружают картины, являющиеся как бы продолжением фильма, люди стали аплодировать.

Пригласил нас в гости человек, купивший два моих этюда. Указывая на картину Жени, купленную им еще раньше, Петер сказал: «Она меня очистила». Вот как: он не просто прикрепил к стене картинку, а общался с ней, и она ему в чем-то помогла. Помоему, там на очищение работает каждый

Через несколько дней в небольшом садике у дома состоялось обсуждение выставки. И каким же облегчением было - почувствовать хорошую реакцию публики! После нашего отъезда Мэри продолжает работать с картинами. Остатки работ могут в течение года «перекочевать» в другие частные галереи.

- А что потом?

- Через год опять поеду в Голландию. Говорю об этом не для того, чтобы похвастаться. Напротив, я возвращаюсь к мысли о нашем сегодняшнем бытии, о наших страхах и терзаниях.

Был один момент в моей жизни - то ли сон, то ли видение. Тащусь я по дороге - безрадостный, опустившийся, мучимый межреберным остеохондрозом. А навстречу идет другой «я», счастливый и прекрасный!

Этот, другой, спрашивает своего двойника: «Ты этого хотел?!» И я понял, что жизнь - не для того, чтобы вечно искать истину, буд-то ты ее

потерял. Человеку дано абсолютно все: он умеет говорить на всех язы-

ской) в живописи, но не в поступках и мыслях, ибо действительность порой приобретает черты сюрреализма. К примеру, его первая персональная выставка, совпавшая с 50-летием художника, прошла не в России, а в Голландии.

Поэту и разговор с Владимиром Андреевичем получился скорее не о живописи, а о жизни. Если только можно эти понятия разделить.

- Организовать персональную выставку и в российской-то провинции сложно...

- ... как же я попал в Голландию? Я тоже много думал, почему выбрали именно меня. Что увидела в моих картинах хозяйка галереи и собирательница фольклора Мэри Кустал, взявшая на себя риск по организации выставки? Наверно, нечто щемящее, что есть в России, о чем Тютчев писал: «Умом Россию не понять...» Я с этим ощущением живу и пытаюсь его передать. Это тепло, которое меня кормит, греет, придает мне смысл жизни. Мэри это тоже почувствовала, потому ее выбор и пал на меня.

Словами это трудно передать. Например, Мэри спрашивает: «Почему вы назвали этюд «Осенняя паутина»? Я ей отвечаю: «Когда идешь по нашей осени, вдруг паутинку порвешь, и она - ди-инь!» Разве можно объяснить, почему меня до слез трогают наши дали, которых много написано Левитаном, Саврасовым, Ползновым? Однажды, помню, пошел и из деревни за семь с половиной километров в райцентр за папиросами...

- Европейцу уже эта ситуация неприятна!

- Конечно. А я иду, и на душе так тягостно: какой же я, думаю, одинокий! Потом размышляю дальше: как же одинокий? Вот дорога. Облака бегут. Березки шумят. Тебя окружает все самое любимое! Придешь домой, а там дядя Иван и дядя Петя, вы вместе покурите принесенные тобой папиросы

ны, и осени, зимы, где солома пахнет соломы наших полей, а навоз - навозом.

- Владимир Андреевич, не воспринимают ли иностранцы то, что нам дорого, просто как экзотику? Какого качества их интерес к творчеству наших художников?

- И к России, да? Снисходительности я не увидел и, думаю, никогда не увижу. Я уже упоминал о том, что Мэри Кустал занимается не только собиранием живописи, но и изучает национальную культуру, которую мы сейчас якобы возрождаем. Помню, в Чебоксарах художники включили запись ансамбля народной музыки, а она говорит: «Это неправильно. Здесь не чувашская музыка!» То есть то, до чего нам самим бывает лень докопаться, она изучает серьезно и глубоко.

Мэри исколесила всю Россию и говорит, что в последние годы стало горько проезжать по деревням, ви-

деть, как в них спивается народ. Спивается, заполняя хоть этим пустоту в душе. А пустота - это страх

прорубил пейзажист Владимир Мышов, который первым из челнинских художников представил свои работы на персональной выставке, прошедшей в этой стране.

боимся. Познакомился я с голландским фотографом. Эвот Стартлез прошел пешком от Амстердама до Средней Азии и понял, что не хочет вывозить из России никакой «негатив». Жена зовет его «хохол», потому что Эвот влюблен в Украину. В его квартире, за которую семья платит тысячу долларов в месяц, в стену вбит исконно русский ржавый гвоздь, а на нем висят бухгалтерские счета. Эвот любовно называет их «русский компьютер».

Голландцы относятся к искусству, быту, истории россиян с живейшим интересом. Они всматривались в мои картины, пытались проникнуть в суть понятия «русский пейзаж». А казалось бы, это так просто: огромное серебристое небо, на переднем плане лодочки, дальше вода и вдали - островок, где мирно лежат наши предки. Все.

- А что такое пейзаж Голландии?

- Там небо другого цвета. Если и буду писать Голландию, то возьму виридоновую зеленую, красный кадмий и, смешав, получу цвет, который присущ этой стране.

Я был в Голландии вместе с казанским художником Евгением Голубцовым, который уже несколько лет сотрудничает с Мэри. И они меня

уголок интерьера. **- Владимир Андреевич, а как проходила ваша выставка?**

- Небольшая частная картинная

галерея Мэри Кустал расположена на первом этаже ее четырехэтажного дома постройки конца прошлого века. Сама Мэри с сыном Каспером живет в другом доме. Здесь же, в мансарде, гостили и мы. В этом прекрасном доме я спал спокойно только одну-единственную ночь - последнюю. Спал как убитый, или, по выражению голландцев, «как роза». Почти предыдущие я не мог сомкнуть глаз. Понимаете, на меня все-таки ставили. Мэри, организуя выставку, понесла определенные расходы. В Челны она писала: «Не надо иметь слишком больших ожиданий от выставки. Продавать искусство и у нас, в общем, не самое выгодное занятие». Да, Голландия - это все-таки Запад, с прохладцей относящийся к реалистической

там нет. И все сделано с любовью.

Пригласил нас в гости человек, купивший два моих этюда. Указывая на картину Жени, купленную им еще раньше, Петер сказал: «Она меня очистила». Вот как: он не просто прикрепил к стене картинку, а общался с ней, и она ему в чем-то помогла. Поэтому, там на очищение работает каждый

мгнит сейчас, наверно, только в таких вот деревнях. Когда зажегся свет и все увидели, что их окружают картины, являющиеся как бы продолжением фильма, люди стали аплодировать.

Через несколько дней в небольшом садике у дома состоялось обсуждение выставки. И каким же облегчением было - почувствовать хорошую реакцию публики! После нашего отъезда Мэри продолжает работать с картинами. Остатки работ могут в течение года «переочевать» в другие частные галереи.

- А что потом?
- Через год опять поеду в Голландию. Говорю об этом не для того, чтобы похвастаться. Напротив, я возвращаюсь к мысли о нашем сегодняшнем бытии, о наших страхах и терзаниях.

Был один момент в моей жизни - то ли сон, то ли видение. Тащусь я по дороге - безрадостный, опустившийся, мучимый межреберным остеохондрозом. А навстречу идет дружкой «я», счастливый и прекрасный! Э т о т , другой, спрашивает своего двойника: «Ты этого хотел?!» И я понял, что жизнь - не для того, чтобы вечно искать истину, будто ты ее

потерял. Человеку дано абсолютно все: он умеет говорить на всех языках, писать музыку, рисовать, растить детей... И если твоя работа доставляет радость, остается одно: продолжать так и дальше.

Полгода не выходя из мастерской, написав за это время 80 картин, попутно умудрившись заработать деньги на поездку, я избавился от этого разрушительного страха. У меня теперь нет «проблем». Есть задача, и я должен ее решить.

Ирина ЯКОВЛЕВА.